

Александр СМЫШЛЯЕВ

КУРИЛЫ – ОСТРОВА ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ (морской десант на Курилы, август 1945 года)

Принадлежность островов Курильской гряды Российской Федерации у россиян сомнений не вызывает. Общественное мнение в большинстве своём осуждает всякие попытки спекулировать на этом вопросе. А спекуляции нет-нет да происходят, подписание мирного договора с Японией почему-то особо (особо!) заботит некоторых членов нашего общества, которые считают его насущным, он якобы даст нам большие преференции от Японии, и мы, наконец, заживём богато, потому что японцы покажут нам, как экономически выгодно хозяйствовать на островах.

Но экономика экономикой, хотя мы и без Японии можем нормально и эффективно использовать сырьевой потенциал Курил, если изживём коррупцию и поставим надёжную преграду желающим торговать национальным богатством исключительно на пользу своего кармана. Здесь, на Курилах, ещё более важен вопрос безопасности наших границ и самого государства. Америка всегда облизывалась, глядя на эти острова. Недаром в конце Второй мировой войны американцы нарастили интенсивность бомбёжек островов и попыток их захвата с моря, потому что понимали: не возьмут острова они, значит, возьмут русские, конфронтация с которыми неизбежна, поэтому нужны стратегические точки для нанесения возможного удара.

И Курилы идеально подходят для этого. Потому и сегодня Америка стоит за спиной Японии, науськивая её на борьбу за острова. Пока – дипломатическую. И россияне стали волноваться: а не даст ли слабину президент и тем более правительство, у которого народ отнюдь не на первом месте в череде забот и деяний.

В августе 1945 года советский десант, сформированный на Камчатке, не захватывал Курильские острова, а освобождал от японцев. Исторически они были нашими, но всевозможные дипломатические коллизии, возможно, и предательства с нашей стороны позволили Японии завладеть ими. А ведь ещё в середине XIX века на тех же северных Курилах существовали российские поселения, дети ходили в русские школы, там стояли православные часовни. В данном очерке мы не будем вдаваться в этот вопрос, такой задачи здесь не стоит, поэтому очерк расскажет лишь о советском морском десанте 1945 года и героизме моряков и солдат, высаживающихся на берег под шквальным огнём противника, о русской крови, обильно пролитой на островах. Бойцы шли в атаки с верой, что Курилы отныне и навсегда останутся нашими. Девять героев Советского Союза дал отчаянный бросок десанта на острова, двое десантников повторили подвиг Александра Матросова, почти триста бойцов пропали без вести, утонув в холодных водах Первого Курильского пролива. Русская кровь, впитавшаяся в камни, не позволяет нам даже в мыслях торговать островами.

Крови было бы ещё больше, но яростная атака советского десанта на северные острова так напугала японцев, что на южных островах они практически не сопротивлялись, выходя из укрытий с белыми флагами.

Япония, подписав капитуляцию, автоматически лишилась островов, а не подписав в 1956 году мирного договора, отказалась от них окончательно. Проиграл – лишился. Лишившись – смирился. Что ещё надо?

110

ЯПОНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ НА СЕВЕРНЫХ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ ДО 1945 ГОДА

Цепь Курильских островов, растянутая между Японией и южной оконечностью Камчатки, закрывает проходы из Тихого океана в Охотское море, что позволяло Японии, владеющей островами, контролировать выход СССР к океану. Чтобы контроль был более эффективным и надёжным, японцы превратили Курилы в мощный укрепрайон.

Остров Шумшу, непосредственно граничащий с СССР через Первый Курильский пролив, являлся главным ключом от замка советско-японской границы. На нашей стороне, на камчатском мысе Лопатка, находилась лишь пограничная застава. А вот остров Шумшу на японской стороне был настоящей крепостью, правда, основные фортификационные сооружения на нём находились глубоко под землёй или же были хорошо замаскированы.

Шумшу – почти плоский остров с небольшими возвышенностями. Одна из главных, гора Сиреи, имеет высоту всего 171 метр. Но берега острова достаточно высокие и отвесные.

Совсем иной рельеф на следующем к югу от Шумшу острове Парамушир. Это гористый остров с многочисленными вулканами, в том числе действующими. Здесь и климат несколько мягче, имеются природные горячие источники, поэтому на Парамушире, помимо военных объектов, располагались рыбацкие поселения, в том числе посёлок Касивабара (ныне – российский город Северо-Курильск). А на Шумшу обосновались в основном военные.

Оборонять острова Шумшу и Парамушир должны были 25 тысяч человек под командованием генерал-майора Цуцуми Фусаки. Непосредственно на Шумшу располагались части пехотной бригады и 60 танков. Большая часть авиации, базировавшаяся на аэродромах северных Курил, в августе 1945 года была перебросена на юг, ушли и все военные корабли. В качестве наиболее вероятного противника японцы ожидали на северных Курилах американские войска, чьи самолёты бомбардировали их с лета 1943 года, поскольку дислокация советских войск на Камчатке имела сугубо оборонительный характер, и эти войска, по мнению японского командования, не имели возможностей вести крупномасштабные десантные операции*.

К сказанному необходимо добавить, что японцы не просто ожидали нападения американцев на Ку-

рильские острова, а постоянно отбивали атаки американской авиации и кораблей. Так, 10 июня 1943 года бомбардировщики произвели сокрушительный, массированный налёт на Парамушир, а через год, летом 1944 года, такие налёты стали более частыми. Американцы бомбили и Парамушир, и Шумшу, и Матуа, и Симушир, и другие острова. Неоднократно на Шумшу и Парамушир сбрасывались воздушные десанты, но японцам удавалось их ликвидировать.

8 февраля 1944 года ко Второму Курильскому проливу подошла целая эскадра американских кораблей с целью высадки десанта и захвата островов, но была отбита японской береговой артиллерией.

Тогда же началось активное укрепление островов. Военные гарнизоны на Шумшу и Парамушире численно увеличились. Для переброски войск и военных материалов из Японии на острова были мобилизованы транспортные суда компании «Ничиро», часть которых подверглась воздушным налётам американцев и была потоплена. Суда, перевозившие рыбаков и промышленное снаряжение, в первые годы войны атакам не подвергались.

Вплоть до августа 1945 года в акватории вокруг островов постоянно находились американские подводные лодки, с воздуха острова бомбили самолёты (дальние бомбардировщики, базировавшиеся на Аляске). Точно установлены координаты, а кое-где у берегов Парамушира ещё видны останки японских транспортов, потопленных американскими подводниками.

На островах имелись все необходимые объекты инфраструктуры жизнедеятельности и ведения боевых действий: от подземных госпиталей, пунктов связи, водозаборов и трубопроводов до гидроэлектростанций, дизельных станций, насосных, портовых сооружений, пещерных убежищ и обычных стрелковых щелей.

Не менее сильно были укреплены и другие острова, расположенные к югу. На вулканическом Шиашкотане находилось два японских гарнизона – на Синарке и на Кунтоминтаре. Большой по численности гарнизон располагался на острове Матуа (Мацува-то). Здесь же находился практически всепогодный аэродром с двумя полосами. Авиация Матуа прикрывала остров Симушир, где дислоцировалась база японских подводных лодок и имелись причалы для базирования авианосцев.

Дополнительно защищали острова природные условия. Густая кустарниковая растительность из карликовой берёзы, ольхи и кедрового стланика

* Краеведческий бюллетень. Сахалин. 1998. № 1. С. 6–8.

могла сильно затруднить продвижение десанта. Высадке мешали отвесные скалы. К тому же над островами значительную часть времени висели плотные морские туманы.

ПОДГОТОВКА К КУРИЛЬСКОЙ ДЕСАНТНОЙ ОПЕРАЦИИ

Советско-японская война, в том числе её завершающая часть – Курильский десант, была с нашей стороны войной за национальные и государственные интересы. И. В. Сталин прекрасно понимал, что даже после капитуляции японцы с островов сами не уйдут, и их, в конце концов, выбьют оттуда американцы. Но исторически это были наши, русские острова, как и Сахалин, и мы не могли допустить, чтобы там обосновались американцы, поэтому советские войска пошли на штурм Курил, несмотря на объявленную Японией капитуляцию.

После победы над фашистской Германией для СССР в войне наступила пауза, но США продолжали войну с Японией. Американские самолёты летом 1945 года периодически бомбили укрепления японцев на островах Шумшу, Парамушир, Онекотан, Симушир и Матуа, в относительной близости от Камчатки. Частенько американцы совершали вынужденные посадки на наших аэродромах.

Но Советский Союз не просто выжидал, он готовился. Причём начал готовиться задолго до лета 1945 года. В 1944 году был создан специальный Камчатский оборонительный район (КОР), в состав которого входило несколько общевойсковых частей. Руководил районом генерал-майор Алексей Романович Гнечко. За время своего существования КОР проделал большую подготовительную работу в целях возможного отражения атак японских вооружённых сил.

8 августа 1945 года время действовать наступило: Советский Союз вступил в войну против Японии.

9 августа начались военные действия советских вооружённых сил против Японии на стороне США и Великобритании.

11 августа советские войска пошли в наступление на Сахалине.

События развивались стремительно. Командующий Камчатским оборонительным районом генерал-майор Алексей Романович Гнечко позже делился информацией, которую в те решающие дни знал лишь очень узкий круг лиц: «15 августа 1945 года главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Советского Союза А. М. Василевский отдал распоряжение командующему Вторым Дальневосточным фронтом генералу армии

М. И. Пуркаеву и командующему Тихоокеанским флотом адмиралу И. С. Юмашеву подготовить и провести курильскую десантную операцию. Срок готовности войск к посадке на корабли был дан предельно сжатый – менее двух суток. Непосредственную её подготовку и осуществление поручили мне, предоставив полную свободу инициативы. И это вполне понятно: командование фронтом и флотом находилось за тысячу с лишним километров и невозможно было рассчитывать на немедленное согласование и одобрение каждого моего распоряжения и приказа.

Боевой приказ ставил перед нами задачу овладеть островами Шумшу и Парамушир, в последующем – островом Онекотан. Замысел операции состоял в том, чтобы внезапной высадкой морского десанта овладеть островом Шумшу и в дальнейшем, используя его как плацдарм, занять острова, расположенные к югу от него»*.

По плану предусматривалась высадка передового отряда и первого эшелона главных сил десанта на северо-восточном побережье острова Шумшу, где необходимо было овладеть частью берега между мысом Кокутан-саки и паводковым ручьём без названия в районе мыса Котомари-саки. Ширина берега для действия десанта – четыре километра. Высадку должны поддерживать артиллерия кораблей «Дзержинский», «Киров», «Охотск» и 130-миллиметровая береговая батарея с мыса Лопатка. К тому же эта батарея начиная с 16 августа должна была каждое утро обстреливать район предстоящей высадки, чтобы приучить японцев к обычности таких обстрелов.

Для обеспечения десанта по подсчётам командования требовалось 64 единицы различных судов, а в Петропавловской ВМБ (военно-морской базе) было только около 30 небольших кораблей, что далеко не обеспечивало доставку в район высадки десятитысячного состава десантников, большого количества военной техники, боеприпасов, горючего, продовольствия и других материалов. Эта задача была успешно решена обкомом партии за счёт выделенных, мобилизации, у Акционерного Камчатского общества и морского пароходства потребного количества самоходных барж, катеров, кунгасов и океанских судов.

«Вспоминаю, – писал А. Р. Гнечко, – как на очередном совместном заседании решался один вопрос: об оказании войскам необходимой помощи и прежде всего по освобождению судов, стоявших на

* *Акшинский В.* Курильский десант. Петропавловск-Камчатский, 1995. С. 18–19.

рейде, от грузов. При этом предстояло выполнить эту задачу за одни сутки. Надо было перенести тысячи тонн груза с судов на необорудованный берег. И всё-таки эта проблема была решена. А суточный срок разгрузки обуславливался боевым приказом – 30 часов давалось для полной готовности десанта к переходу в район острова Шумшу. Коммунисты, комсомольцы, молодёжь и многие тысячи жителей Петропавловска в течение 26 часов работали по разгрузке девяти океанских судов.

В то же время специальные бригады проделали большую работу по ремонту кораблей, катеров и других плавсредств. Не могу не отметить огромную помощь комсомольцев, пионеров, учителей, врачей, многих сотен женщин, девушек Петропавловска в организации временных военных госпиталей в помещениях школ и педагогического училища, в которых они затем круглосуточно дежурили у раненых бойцов»*.

ПОГРУЗКА ДЕСАНТА НА КОРАБЛИ

16 августа 1945 года жители Петропавловска высыпали на улицы, чтобы проводить на корабли десантников. Официально никто не объявлял, куда отправляют солдат и матросов, но все понимали – на Курилы.

Колонны солдат шли по городу в порт и на судоремонтную верфь одна за другой. Некоторые шагали с отдалённых мест дислокации уже более суток, люди падали от усталости, другим было ближе и легче. Этот момент хорошо отражён в дневнике красноармейца А. Н. Швецова: «Ночь стоял в наряде. Только собрался отдохнуть, после завтрака пришёл приказ: сняться и прибыть к 15:00 в порт на погрузку. И вот мы проходили, может быть, в последний раз по камчатской земле дорогой на судоверфь. Жители провожают нас с тревожным, но ласковым взглядом. Одна мамаша выставила на дороге ведро с холодной водой, и мы подошли напиться. Некоторые дают солдатам платочки, спички, цветы. У кого есть родственники и знакомые, забегают по дороге прощаться. Прибыли в порт. Получили обращение КОРа в связи с получением боевого приказа. Наша задача – высадиться десантом на Курильские острова. К 23:00 погрузились на транспортное судно. Условия по сравнению с другими транспортниками хорошие, на каждого – койка, чистота – идём со штабом полка... Ночь простояли у причала. Утром вышли на рейд и простояли весь день...».

* Гнечко А. Р. Солдатское спасибо // Камчатская правда. 1973. 22 июня.

Пирсов в Петропавловске не хватало, поэтому десант грузили на корабли поочередно: загружался один корабль – подходил другой и так далее. Для погрузки в штабе составили график, который старались выдерживать.

«Политрук Гетманов стоял у входа в порт, – вспоминал о погрузке десанта С. Юдин. – На плече у него сидел маленький Саша. Рядом стояли Гена и Полина Ивановна. “Вот видишь, – пошутил Гетманов, – весь расчёт в сборе. Забежал на минутку домой проститься, а они все в голос: проводим тебя, папка, до порта, всё равно по пути”. Расцеловавшись с детьми и женой, сказал: “Ну, мне пора. Не печальтесь, родные, скоро увидимся...”»

Не увиделись...

Ещё один политрук – Александр Степанович Рожков, так же как и Гетманов, командированный в десант из обкома партии, попрощаться с семьёй не смог – жена Анна вот-вот должна была родить, поэтому, видимо, не пришла. Родила она через три дня, когда муж уже воевал. Дочку они потом назовут Симой – созвучно японским названиям островов.

Главный старшина десантного судна В. Сергеев вспоминал: «Наш десантный корабль стоял у причала Петропавловского судоремонтного завода, по пыльной дороге одна за другой подходили колонны пехотинцев, подъезжали конные повозки со снаряжением, полевые кухни. Рядом шли горожане. Люди, пришедшие проводить десантников, до отказа заполнили причалы, облепили возвышающуюся рядом сопочку».

Корабли, закончившие посадку десантников, уходили на рейд в Авачинскую губу. На их место вставали другие.

«Я был уверен, что все участники десантной операции с честью выполнят приказ Родины, – вспоминал тот день командующий десантом генерал-майор А. Р. Гнечко. – Но больше всего меня беспокоил захват плацдарма передовым отрядом – от этого зависел весь наш успех. Решил вновь встретиться с майором П. И. Шутовым и познакомить его с последними данными нашей разведки. Вскоре он прибыл на тральщик, где находился мой командный пункт, и мы ещё раз обсудили, как следует действовать в различных обстоятельствах, которые могут сложиться во время высадки, в бою за плацдарм. Шутов доложил о том, что побывал во всех подразделениях передового отряда – там ещё до этого большую работу провели работники политотдела дивизии – о высоком морально-политическом состоянии десантников.

113

– Когда в роте автоматчиков, – сообщил он, – было объявлено: кто согласен добровольно идти в передовом отряде, прошу сделать шаг вперёд, этот шаг сделала вся рота»*.

ПЕРЕХОД ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКА К ОСТРОВУ ШУМШУ

17 августа 1945 года, когда главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский послал радиogramму командующему Квантунской армией генералу О. Ямале с призывом к 12 часам 20 августа прекратить военные действия по всему фронту и сложить оружие, с Петропавловского рейда в Авачинской губе на Камчатке ушёл в океан Курильский десант. Головной корабль «Дзержинский» снялся с якоря и пошёл вперёд ровно в 5 утра.

В составе десанта насчитывалось 8 824 человека, 218 орудий и миномётов, 492 пулемёта. Сразу надо оговориться, что на второй день боёв из Петропавловска пришло около тысячи человек подкрепления, так что в десанте в общей сложности участвовало около десяти тысяч бойцов. «Поэтому мы с полным основанием называем Курильский десант десятитысячным», – заключил в своей известной книге «Курильский десант» В. С. Акшинский**.

Выйдя в океан, корабли построились в походный порядок согласно заранее разработанному ордеру. Их общая численность составляла 64 вымпела.

Впереди эскадры шли, обеспечивая безопасность пути, тральщики «Вега» и ТЩ-525, затем – сторожевой корабль «Киров» и минный заградитель «Охотск». За ними следовали десантные суда и транспорты с войсками передового отряда, а затем – первого эшелона высадки. Замыкали колонну опять же тральщики. Другая группа судов во главе со сторожевым кораблём «Дзержинский» везла войска второго эшелона. Эту группу замыкал плавучий госпиталь «Менжинский». В центре группы шёл под флагом командующего десантной операцией генерал-майора А. Р. Гнечко тральщик ТЩ-334.

Весь день корабли шли на юг вдоль Камчатки под охраной пограничных катеров и невидимых взгляду подводных лодок. Время в пути отводилось для подготовки к высадке.

Море шумело, тяжело раскачивая корабль. Порывистый ветер срывал с головы пилотку. Политрук передового отряда Василий Кот пришёл в кубрик к солдатам. Он подходил то к одной группе, то к другой, вступая в разговоры, разъясняя боевую задачу.

Многих он знал по имени и фамилии, обращался к ним как старый знакомый...

Командир передового отряда Пётр Иванович Шутов вместе с командиром сводного батальона морской пехоты майором Т. П. Почтарёвым и политруком батальона Аполлоном Павловичем Пермом тоже в это время беседовали с краснофлотцами.

В роте бронейщиков стрелкового полка выделялся богатырской статью командир отделения сержант Костылев. Он вынимал из своего вещмешка продукты и на их место укладывал патроны.

– А если придётся вести бой суток двое-трое? – спросил Кот.

– Если драться двое-трое суток, то боеприпасы опять-таки нужнее, – ответил сержант. – Только вряд ли так затянем. Острова небольшие, справимся за сутки.

И такая уверенность была в словах бронейщика!..

«Вытанувшаяся на многие мили в кильватерном строю эскадра неуклонно двигалась вперёд. На флагман беспрерывно поступали донесения о благополучном движении кораблей. Сигнальщики стояли на своих местах, зорко наблюдая за морем и воздухом. Акустики прослушивали морские глубины. Машинисты не отходили от дизелей, которые, словно часовые механизмы, чеканно отбивали ход. Комендоры застыли у орудий. В любую минуту мог встретиться противник, и надо было всегда быть начеку.

Среди десантников царило воодушевление и боевой подъём. Они сосредоточенно и вдумчиво готовились к предстоящим боям. Готовили оружие, готовились сами к решительной схватке с коварным врагом – японскими самураями.

Группа бойцов морской пехоты, которую возглавлял младший сержант Рындин, перед боем приняла клятву на верность своей отчизне и любимому вождю и полководцу товарищу Сталину. Степан Рындин достал из кармана портрет товарища Сталина и на обороте его с волнением карандашом вывел слова:

“Родина-мать, дорогой товарищ Сталин! Мы идём в бой во имя нашей победы и счастья своего народа. В бою мы не посрамим славы русского оружия и до конца выполним свой воинский долг. Мы отдадим все силы, а если потребуется – и жизнь свою на благо любимой Родины”.

Каждый боец скрепил своей подписью священную клятву, каждый с гордым чувством ещё и ещё раз перечитывал её слова»***.

* Акшинский В. ... С. 38.

** Там же. С. 39.

*** Ворота в океан / сост. А. В. Петров. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 12.

К ночи опять сгустился туман, видимость порой снижалась до полукабельтова, и корабли теряли друг друга, нарушая строй. Не обошлось и без происшествий. Десантное судно столкнулось в густом тумане с морским охотником и получило пробоину. В трюм десантного корабля хлынула вода. Экипаж быстро заделал пробоину, однако скорость хода судна упала, и ему разрешили вернуться в Петропавловск. Куда там! Настрой у экипажа и бойцов, находящихся на борту, был такой, что они на общем собрании, оценив обстановку, тут же решили продолжить поход. Их поддержал командир судна старший лейтенант Г. С. Бакин.

Наступила последняя ночь перед высадкой десанта. Корабли замедлили ход и остановились. Мимо них прямым курсом на Шумшу проследовал на десантных судах отряд захвата. Сильный встречный ветер препятствовал движению кораблей, поэтому десант подошёл к острову не ночью, как предполагалось, а на рассвете. В предутренней дымке вдали виднелся пологий берег Шумшу. Корабли на полном ходу шли к острову.

ЗАХВАТ ПЛАЦДАРМА ПЕРЕДОВЫМ ОТРЯДОМ (18 АВГУСТА, 4:20–6:30)

18 августа в 2 часа 15 минут в мутном, едва брезжащем рассвете эскадра советских кораблей подошла к Первому Курильскому проливу. Через 15 минут береговая батарея на мысе Лопатка начала плановый обстрел острова Шумшу. Как позже выяснилось, японцы, уже привыкшие к таким ежедневным предутренним обстрелам, заранее отвели людей в укрытия и тл.

Артподготовка продолжалась 25 минут, по японским позициям было выпущено 200 снарядов. В это время десантные суда с отрядом захвата майора Шутова отделились от эскадры и пошли в сторону острова. Они вошли в воды пролива и стали постепенно приближаться к берегу. Ориентиром в темноте служили две основные точки, слегка вырисовавшиеся на фоне предрассветного неба: мыс Кокутан-саки с маяком и мыс Котомари-саки, а недалеко от него – полузатопленный советский танкер «Мариуполь», ранее севший в проливе на мель. Теперь японцы использовали его как дополнительную огневую точку на подступах к острову, поставив на него орудия. Но пока японцы молчали. Похоже, советские десантные суда ещё не были ими обнаружены или же японцы ещё не догадывались, что высаживается десант.

«Мы перехитрили противника! – делился позже воспоминаниями командующий десантной опера-

цией генерал-майор А. Р. Гнечко. – Находясь в Первом Курильском проливе, открыто дали обычный сигнал прохода наших судов через пролив, что делалось постоянно, когда наши суда из Тихого океана входили в Охотское море (к этому японцы давно уже привыкли). Но главное, конечно, было в том, что их подвела самурайская спесь и недооценка боевых качеств сравнительно немногочисленных сил КОР и подчинённых ему в оперативном отношении гарнизонов моряков, лётчиков и пограничников. Как нам стало известно в дальнейшем из опросов военнопленных: японские локаторы зафиксировали движение наших кораблей и судов и об этом было доложено начальнику штаба группы японских войск в северной части Курильской гряды полковнику Тахира, а им – командующему этой группой генерал-лейтенанту Цуцуми Фусаки. Генерал попросил полковника изложить своё мнение по этому поводу, и Тахира уверенно заявил: «Русские неоднократно делали перегоны транспорта во Владивосток». Встретив тревожный взгляд своего старшего начальника, он успокоил его: «Наличие незначительного состава войск в гарнизонах Камчатки, в том числе и в Петропавловске, при малочисленности боевых кораблей и судов, исключает возможность проведения русскими морской десантной операции. Тем более что русские знают о неприступности нашей обороны на островах»*.

Цуцуми Фусаки, судя по всему, не стал вдаваться в излишние, по его мнению, подробности, лишь спросил, нет ли каких-либо донесений от японского консула в Петропавловске. Ему ответили, что на все запросы к нему вот уже третьи сутки не поступило ни одного ответа**. Но и это не насторожило генерала. Позднее он запишет в своём дневнике, что 18 августа было «самым чёрным днём» в его жизни. Его можно понять: кроме поражения, грозящего всей его военной карьере, он терял одновременно и солидные доходы как крупный акционер рыбопромышленной фирмы «Ничиро», которая имела на Камчатке и островах ряд концессионных и собственных рыболовных участков и рыбоконсервных заводов***.

В 4 часа 20 минут снова начался обстрел острова береговой батареей с мыса Лопатка. Он продолжался 14 минут. К этому времени советские десантные суда передового отряда практически подошли

* Гнечко А. Р. Навсегда советские острова // Советский Сахалин. 1975. 12 июля.

** Японский консул в Петропавловске был интернирован ещё 15 августа 1945 года, а радиостанция консульства опечатана.

*** Акшинский В. ... С. 53.

к берегу, совершили манёвр «все вдруг налево» и фронтом, держась друг от друга на расстоянии примерно в 500 метров, взяли курс к местам высадки. Группа десанта слева под командованием начальника штаба передового отряда старшего лейтенанта Т. Б. Дайна должна была, оказавшись на берегу, атаковать укрепления на подступах к мысу Котомари-саки. Группа справа, идущая под командованием командира роты автоматчиков старшего лейтенанта А. Г. Иноземцева, – мыс Кокутан-саки. Десантники центральных судов, где находились командиры отряда майор П. И. Шутов и командир сводного батальона морской пехоты майор Т. А. Почтарёв, а также их замполиты старший лейтенант В. А. Кот и майор А. П. Перм, должны были развивать наступление вглубь острова к доминирующим высотам 165,0 и 171,0. Каждая группа действовала самостоятельно, но по общему утверждённому и не раз обговорённому плану.

Обстрел с Лопатки прекратился, и наступила тишина. Казалось, что не слышно даже работы судовых машин. Десантники находились в напряжении, ведь в любой момент с берега мог ударить огнём притаившийся, невидимый враг. И он ударил. Когда до приборки оставалось метров пятьсот, заговорила вражеская береговая скорострельная артиллерия, которая стреляла, правда наугад, не обнаруживая цели.

Со стороны пролива к острову на всём ходу шли советские корабли «Дзержинский», «Охотск» и «Киров». Их орудия, не медля, открыли ответный огонь по берегу. Возобновила стрельбу и батарея на мысе Лопатка.

Почтарёв и Перм, стоявшие рядом на палубе, отчётливо видели оба мыса – и слева, и справа, а между ними, за песчаным пляжем, на пологом склоне – множество вражеских траншей и огневых точек. Видели они и то, как вдруг загорелось от попаданий вражеских снарядов десантное судно группы старшего лейтенанта Иноземцева. Матросы начали тушить пожар, а десантники встали у бортов, готовые броситься в воду и вплавь добираться к огрызающему огнём берегу.

Перегруженные десантом суда уткнулись в дно метрах в 100–150 от приливной полосы. Теперь уж точно надо было прыгать в воду.

– За мной! – зычно крикнул Почтарёв и первым прыгнул с борта.

Десантники последовали его примеру. Глубина оказалась около двух метров, поэтому сначала пришлось плыть, держа оружие над головой. Мокрая одежда мешала быстрому движению бойцов. Они

сбрасывали с себя бушлаты, шинели, всё, что казалось лишним, и шли к намеченной цели, обвешанные дисками от автоматов и ручными гранатами.

Так же поступила и группа, шедшая на судне вместе с майором Шутовым и старшим лейтенантом Котом. В воду бросились наиболее отважные бойцы. Скрылись в волнах, вынырнули, поплыли... Кто-то оробел: глубоко! Возникла заминка.

Василий Кот дотронулся до плеча командира:

– До встречи на берегу, товарищ майор. Я поплыву с солдатами.

Многие бросившиеся в воду с тяжёлой ношей за плечами с трудом добирались до берега. Не повезло тем, кто прыгал с пулемётами или с тяжёлыми боеприпасами: и бросить нельзя, и плыть невозможно, тяжёлая ноша тянет ко дну. Многие так и не выплыли...

Автор исторического очерка «Граница военного времени» Владимир Чусовской заостряет на этом факте особое внимание:

«Десантные суда по причинам, не ясным до сих пор, не стали подходить вплотную к берегу. Они высадили передовой отряд метрах в двухстах от острова. Глубины позволяли специальным судам двигаться и дальше, но они остановились. В операции участвовали два типа десантных кораблей, построенных в США, – LCI и LCN. У первого осадка составляла 1,81 метра, у второго и того меньше. Скорее всего, командиры десантных барж Тихоокеанского флота опасались, что японские артиллеристы ближе к берегу устроят судам огненный мешок. Нельзя исключать и ошибок штурманов, решивших в тумане, что берег уже близок. Можно и дальше строить предположения на этот счёт, но остаётся непонятным, почему десант в холодную воду пролива, соединяющего Тихий океан и Охотское море, высадился как минимум в двухстах метрах от берега. Никто не спрашивал у бойцов, умеют ли они плавать, имела значение только команда: “Вперёд!”. Волны смыкались над головами десантников. В критической ситуации оказались миномётчики, пулемётчики, расчёты противотанковых ружей. Тяжёлое вооружение камнем тянуло на дно даже тех, кто умел хорошо плавать»*.

Первыми оказались на берегу десантники во главе с командиром взвода автоматчиков особого назначения старшиной А. П. Беловым. Находился в этой группе и старший сержант Николай Панкратов. Держа в руках знамя и автомат, он смог изловчиться, сбросить в воде намокшую шинель и быстрее других выбраться на берег. Преодолев отмель и прибреж-

* Чусовской В. Граница военного времени // Публикуется впервые... / сост. В. В. Слабука. Владивосток, 2010. С. 130.

ную кручу, старший сержант поднялся на брусстер пустовавшей вражеской траншеи и стал вкапывать в землю древко знамени. Японцы вели хаотичную стрельбу, не видя в темноте десантников, пули свистели всюду, но, к счастью, не задели Панкратова.

В это время советские десантные суда, вторя орудиям больших кораблей, открыли артиллерийскую стрельбу трассирующими снарядами. Местность осветилась, и все увидели, что на берегу гордо реет красное знамя! Это придало дополнительных сил высаживающимся бойцам. А на берегу десантники из группы старшины Белова с криками «ура» устремились к склонам высоты 171,0. Неподалёку шли химвзвешиватели, на пути которых оказалось японское орудие. Бойцы уничтожили его расчёт и продолжили наступление.

Но в целом артиллерийские батареи японцев наши десантники старались просто обходить, оставляя их у себя в тылу. Да и не могли они их взять голыми руками, имея лишь огнестрельное оружие и гранаты, без поддержки артиллерии и миномётов. Это дорого обошлось последующим эшелонам высадки, которые обстреливались прицельным огнём этих «живых» батарей.

Но пока наши бойцы из первого броска стремительно продвигались вперёд. Отважно действовали пехотинцы и пограничники, солдаты роты противотанковых ружей. Накопившиеся на берегу подразделения передового отряда, получив сообщение разведчиков о том, что впереди, на расстоянии до километра, японцы не обнаружены, бросились вперёд и без единого выстрела заняли прибрежные земляные укрепления врага. Примерно за час солдаты и моряки продвинулись вглубь острова до двух километров. Теперь перед ними были главные высоты – 165,0 и 171,0.

Вместе с бойцами высадились на остров корректировщики огня артиллерийской поддержки и авиационной дивизии. Но в ходе высадки их рации намокли и бездействовали, несколько раций вообще утонуло. Таким образом, корректировка огня не производилась.

Зато японцы начали вести прицельный огонь. Этому поспособствовали сами же советские корабельные комендоры, когда открыли огонь по острову трассирующими снарядами. Обнаружив таким образом место высадки десанта и сориентировавшись, японцы стали бить метко и эффективно. Заговорили их пулемёты и винтовки.

Но наш десант уже было не остановить, хотя под шквальным огнём противника десантники стали гибнуть один за другим и целыми группами.

Майор Шутов, задержавшийся на судне из-за «оробевших» бойцов, подбадривающий их, как раз в это время собирался прыгать в море, но рядом разорвался снаряд, и его сбilo ударной волной, а осколком оторвало два пальца на руке. Обмотав рану носовым платком, он всё же спрыгнул в воду и поплыл к берегу. За ним бросились в воду и оставшиеся солдаты.

Выбравшись на берег, майор Шутов взял командование на себя, чтобы организовать атаку доминирующих высот острова. «Группы возглавляли инициативные, бесстрашные сержанты и офицеры, готовые на любые самоотверженные поступки ради выполнения боевой задачи», – писали тогда военные корреспонденты А. Грачёв, Н. Иванович и Н. Лихобабин, находящиеся в гуще событий.

Корректировщикам огня, оставшимся без связи, удалось, наконец, починить и собрать одну из раций. «Есть связь!» – доложили они командиру передового отряда майору П. И. Шутову. И он тут же передал командующему десантом генералу Гнечко: «Ближайшая задача выполнена. Атакую высоту 171. Прошу огня. Передаю координаты...».

Шёл седьмой час утра. Плацдарм на берегу был создан, наши бойцы держали его крепко. Наступила пора высадки первого эшелона основных сил атакующих. И она не заставила себя ждать.

ВЫСАДКА ПЕРВОГО ЭШЕЛОНА ДЕСАНТА (18 АВГУСТА, 6:30–9:00)

Первым эшелонам командовал генерал-майор Порфирий Иванович Дьяков. Его оперативный штаб располагался на сторожевом корабле «Киров».

Бойцы стрелкового полка, составлявшие совместно с воинами противотанкового дивизиона основу первого эшелона десанта, начали высадку в районе мыса Кокутан-саки в 6:30, когда уже полностью рассвело. Японцы открыли по ним прицельный артиллерийский огонь. От прямых попаданий несколько судов загорелось. Массированную стрельбу вела и батарея, размещённая японцами на танкере «Мариуполь».

Десантные суда из-за пологого дна возле северо-восточной части острова не могли подойти вплотную к берегу, поэтому бойцы вынуждены были прыгать в воду, как и их предшественники из отряда захвата. Кто-то делал плоты из подручных средств, но они становились уязвимыми мишенями для японцев. Тем не менее десант неудержимо шёл на берег.

Уроженец Камчатки, командир отделения противотанковых ружей старший сержант Герасим Ильич

Аксёнов одним из первых поплыл к берегу, имея при себе полное боевое снаряжение. «Вперёд, на японских самураев!» – звал он за собой товарищей. И они поплыли следом.

Сержант стрелкового полка Николай Петров рассказывал:

«Когда наше судно подошло к берегу, японцы с мыса открыли артиллерийский огонь прямой наводкой. Расстояние было малым. Стоящее почти вплотную справа десантное судно горело. Промедление даже на минуту грозило гибелью людей. Командиры и бойцы, понимая это, смело бросались в воду и вплавь выбирались на берег. Я плавал хорошо, и мне командир роты сказал: «Будешь замыкающим». Однако часть бойцов, не умеющих плавать, замешкались. И тут капитан Василий Иванович Гетманов организовал посадку их на шлюпки по левому борту судна, скрытому от прямого огня противника. Действовал он решительно и хладнокровно. Море кипело от взрывов. Были убитые. Гетманову помогал старшина Павел Лызлов. Вот одна шлюпка ушла к берегу. Поспешил на посадку Лызлов со своим чемоданчиком и... гитарой. В это время раздался взрыв на палубе у левого борта. Тренькнули перебитые струны, мелкой щепой рассыпалась по палубе гитара. Смертельно раненный, упол старшина.

Гетманов, презирая опасность, продолжал посадку бойцов, но шлюпка ушла к берегу без него. Вражеский снаряд оборвал его жизнь, когда он проводил в бой последнего бойца».

А это рассказ политрука из того же полка Александра Степановича Рожкова:

«Наше десантное судно устремилось к берегу. Мель остановила его метрах в пятидесяти от прибоа. Я – всё время на палубе. Подбадриваю бойцов, жду своей очереди. Японский снаряд попадает в корму. Снова взрыв по правому борту, и остатки шлюпки повисли на блоках. Часть бойцов уже на берегу, но тут выяснилось, что несколько человек не умеют плавать. Хорошо, уцелела шлюпка левого борта. Сам сажусь за вёсла. Море кипит от разрывов. До берега уже рукой подать, но разрыв снаряда переворачивает шлюпку. Опомился я в воде. Мешкать было некогда, впереди шёл бой...»

«В этот момент самураи имели много преимуществ, – писали в одной из своих корреспонденций с переднего края журналисты А. Грачёв, Н. Иванович и Н. Лихобабин. – Их артиллерийские позиции были расположены глубоко под землёй и вели огонь через узкие амбразуры по ранее пристрелянной местности. Между их батареями были устроены

ходы сообщения, лисьи норы. Для каждой амбразуры японцы имели по три-четыре запасных орудия. Если наш снаряд уничтожал одно орудие, они выкатывали на его место второе и продолжали вести огонь. Для успешного развития операции командование поставило задачу быстро наращивать силы на острове и одновременно подавить вражеские батареи.

Всё время, пока проходила высадка, орудия наших кораблей вели ураганный огонь по вражеским батареям.

От экипажей десантных судов, высаживающих войска под непрерывным огнём врага, требовалось не только мастерское умение водить суда в сложных условиях боя, но и мужественно, бесстрашно отражать огонь врага, смело подходить к берегу и производить высадку войск. В этих условиях многие экипажи проявили непревзойдённую храбрость, достойную советских моряков-героев. Особенно хорошо действовали суда командиров Черноокова, Сухурова, Алексанова, Грицака, Яструба.

Никогда не сгладится в памяти героизм десантного судна. Высадив первый десант, корабль быстро принял с транспорта новый и устремился к берегу. На подходе он попал в зону артиллерийского огня японцев. Почти одновременно на корабле разорвалось четыре вражеских снаряда, возник пожар. В эту минуту личный состав работал как никогда чётко и слаженно. Находящиеся на судне десантники бросились тушить пожар. Появились раненые. лейтенант Пермяков, увидев, что огонь подбирается к снарядам, бросился к противопожарным шлангам, но они оказались перебитыми. Тогда он, рискуя жизнью, своим телом прикрыл снаряды и, несмотря на ожоги, стал выкатывать их из опасного места*.

Десант первого эшелона высадился к 9 часам утра. Правда, без артиллерии, которую доставляли на берег уже вместе со вторым эшелоном, начавшим десантирование сразу же следом за первым.

И конечно, продолжал драться передовой отряд захвата плацдарма под командованием майора Петра Ивановича Шутова и его заместителя Василия Андреевича Кота. Несмотря на усталость, бойцы всё дальше продвигались по ложине между мысами Кокутан-саки и Котомари-саки. «Первыми двумя вражескими траншеями мы овладели с ходу, – вспоминал П. И. Шутов. – Оставалась ещё одна, последняя. В случае её захвата мы получали возможность выйти вглубь острова. И вдруг самураи с близкого расстояния ударили по цепи из пулемётов. Били из

* Ворота в океан ... С. 17–18.

хорошо замаскированного дота. Меня ранило во второй раз, в правую ногу.

Укрывшись за небольшим бугорком, решаю, что делать. Выигрыш во времени позволил бы противнику подтянуть резервы, поэтому нельзя было давать ему это время, любой ценой нужно было уничтожить дот. Орудий нет, выход один – взорвать. Несколько бойцов во главе с начальником химической службы соединения майором Курбатовым, нагрузившись взрывчаткой, пополнили в обход. Противник заметил смельчаков. Офицер был ранен, двое бойцов, Сергеев и Виктор Сас, убиты, но остальные сделали своё дело: добрались до дота, заложили взрывчатку и, отползая, зажгли бикфордов шнур. Дот взлетел в воздух.

Впереди – высоты 165,0 и 171,0 – основной узел сопротивления японцев*.

Отряд Шутова продолжил наступление. Вдруг бойцы заметили, что командир как-то неестественно приник к земле. Третье ранение оказалось тяжёлым: пуля пробила грудь. Майор пытался подняться, но не мог. Истекая кровью, он хрипел, призывая десантников идти вперёд. Десантники услышали его слова, командование на себя взял старший лейтенант Василий Андреевич Кот и повёл бойцов на высоту. Но их опять заставил залечь огонь очередного японского дота.

Подавить эту огневую точку вызвался краснофлотец Михаил Верещагин. Взяв две гранаты, он ползком двинулся вперёд. Вскоре послышались два взрыва, и на крыше дота показалась высокая фигура в морском бушлате. Это был Верещагин. Взмахом руки он показал, что путь открыт.

«Моряки врываются в траншеи, проникали в землянки, гранатами прокладывали себе дорогу в дзоты и доты <...>, откуда японцы вели яростный огонь из пулемётов. Всё пространство перекрывалось огнём в несколько слоёв. Краснофлотец Михаил Рощин подобрался к одному из дотов, забросал его гранатами и заставил замолчать находящийся в нём пулемёт. Краснофлотец Щепин завалил камнями амбразуру другого дота и тем самым обеспечил продвижение вперёд наступающих. Старший лейтенант Васин лёг за пулемёт, расчёт которого вышел из строя, и в упор расстрелял две огневые точки японцев. Затем поднял в атаку моряков и вышел на северный скат важной высоты»**.

Группа пограничников под командованием капитана Н. И. Лашманова обнаружила японскую мино-

мётную батарею, обстреливающую наши боевые порядки. Подкравшись к ней с разных сторон, пограничники забросали самураев гранатами. Разбегавшихся японцев встретила огнём группа старшины-пограничника Н. Н. Карпова, подползшая с тыла. Напуганные самураи стали сдаваться.

И всё-таки натиску советского десанта не хватало артиллерийской поддержки, так как высадка артиллерийского полка задерживалась. К тому же командир первого эшелона десанта генерал-майор П. И. Дьяков не мог эффективно управлять войсками, оставаясь на борту сторожевого корабля «Киров».

«Корабль, на котором он находился, – писал В. С. Акшинский, – получил повреждения при налёте вражеской авиации, поэтому командиру десанта и его оперативной группе не удалось добраться до суши. В результате сложилось положение, когда высадившиеся части и подразделения оказались без единого командования. В этой сложной обстановке разумную и весьма ценную инициативу проявил высадившийся на берег командир второго эшелона главных сил десанта, заместитель командира полковник П. А. Артюшин. Он смело взял на себя командование всеми уже высадившимися на берег силами, обеспечил чёткое управление войсками и связь с командующим десантной операцией»***.

ВЫСАДКА ОСНОВНЫХ СИЛ ДЕСАНТА (18 АВГУСТА, 9:00–13:00)

Основную ударную силу десанта составили подразделения стрелковой дивизии, командовал которой генерал-майор Порфирий Иванович Дьяков.

Вторым эшелоном Курильского десанта командовал полковник Пётр Алексеевич Артюшин. Он москвич, в 1918 году – кремлёвский курсант, охранял Ленина. В 1919 году начал службу в Красной армии.

Видя, что высадка идёт успешно, Артюшин и сам собрался на берег вместе с командирами полков В. Г. Губайдуллиным, А. К. Тарасовым и другими офицерами. Они перешли со сторожевого корабля «Дзержинский» на пограничный катер, которым командовал капитан-лейтенант Н. Т. Федченко. Катер подвёз их до первого же десантного судна, идущего к берегу, высадил на корму этого судна и пошёл было назад, но в это время Федченко увидел на берегу замаскированное японское орудие, боевой расчёт которого готовился расстрелять десантное судно с командирами. Федченко понял, что при обстреле полковник Артюшин и его офицеры будут неминуемо уничтожены, поэтому тут же совершил

* Шутов П. Десант на Шумшу // Камчатская правда. 1970. 15 авг.

** Ворота в океан ... С. 15.

*** Акшинский В. ... С. 88–89.

на своём катере отвлекающий манёвр, ринувшись вперёд, к берегу, и принимая огонь на себя. Катер получил пробоины, начался пожар. Погиб сам Федченко и с ним моряки С. В. Бородянко, К. Г. Елагин, Б. И. Злобин, В. И. Одинок. Погасить пожар не было никакой возможности, пламя подбиралось к снарядам, поэтому оставшиеся в живых катерники покинули своё судно и вплавь добрались до берега, где примкнули к десанту. Но кто-то из моряков, оглянувшись, увидел, что на катере гордо веет военно-морской флаг. Он вернулся, снял флаг, опять прыгнул в воду, и в это время ПК-8 взорвался и затонул. Моряк с флагом благополучно выбрался на берег.

Чудом избежавший гибели полковник П. А. Артюшин высадился на остров и принял командование десантом.

Штабной офицер старший лейтенант Степан Аверьянович Савушкин собрал разрозненные группы десантников, вывел их в скрытое от артиллерии место и организовал оборону. Вскоре появились японские танки, но, встреченные дружным огнём, в том числе из противотанковых ружей, повернули назад.

Через некоторое время японцы опять начали наступление. Тогда Савушкин поднял свою группу в контратаку. Японцы снова не выдержали натиска советских десантников и побежали. Практически на их плечах группа Савушкина поднялась на вершину высоты 171,0. Но здесь пуля сразила бесстрашного старшего лейтенанта. Степан Аверьянович Савушкин погиб.

«Наша группа захвата наступала в третьей очереди, – вспоминал морской пехотинец ефрейтор Павел Кращенко, – остров был хорошо укреплен и дотами, и дзотами. Ко всем землянкам были проорыты подземные ходы. Остров был наспигован солдатами и снайперами...

Нашу самоходную баржу японцы уже ждали. Сразу же прицельным огнём обстреляли трап. Командир баржи Новиков под дулом пистолета приказал прыгать в воду. Наши солдаты были оснащены тяжёлым вооружением: автоматы, патроны, гранаты, винтовки, миномёты весом в 32 кг. А у меня был автомат, девять гранат и 400 патронов с обоймами в противогазной сумке. Это при моём весе в 56 кг. Успел ухватить спасательный пояс и сиганул в воду. Повис на поясе вниз головой. Василий Грициенко спас, еле откачал на берегу. А тут нас японские снайперы поджидали. Многих тогда скосили. А потом уже спецкоманда тралами выволокла всех утонувших. Оружие всё смазали, привели в порядок и

раздали пехотинцам. В противотанковых рвах схоронили всех погибших. Высоту не могли взять, обошли её языком. Видимость отличная, дот японский не подпускает близко. Так Вася Грициенко собрал вещмешки, набил их песком, камнями. Здоровый был мужик, крепкий, подкрался к амбразурам и заткнул их этими пробками. Высоту мы взяли, как оказалось, раньше назначенного срока. Рации замолкли, связь не было. А тяжёлая артиллерия с мыса Лопатки включилась в бой «вовремя», когда мы уже брали высоту, и накрыла своих. Нам пришлось скатываться с сопки впопыханую. Углубляться стали на остров в надежде, что страшное позади. Но японцы что удумали: по всем кедрочам петли из струн расставили и разбросали специальные струнные противопехотные коврики. Ноги путаются, а сверху – свинец, мины летят. Одна и меня достала. Взрывом отбросило. Контузило сильно. Потерял сознание. Глаз и ухо повредило. В госпиталь не захотел отправляться. Перебинтовали меня – и дальше, в бой»*.

Вспоминает Аполлон Павлович Перм:

«Два часа мы вели неравный бой с японцами в районе высоты 171,0. Главным препятствием для нас стали танки. Сначала японцы бросили на нас 18 машин. В единоборство с ними первыми вступили техник-лейтенант Александр Водынин, младший сержант Георгий Баландин, матрос Михаил Власенко, старшина 2-й статьи Пётр Бабич.

Александр Водынин связкой гранат подбил головной танк с японским флагом. У второго он был ранен в шею. К потерявшему сознание командиру подполз Иван Кобзарь и перевязал его. И снова Александр бросился вперёд, со связкой гранат под второй танк. И взорвался вместе с ним.

Подвиг командира повторили Кобзарь, Рында, Власенко и Бабич.

Долгое время считалось, что погибли все пятеро героев. Но, оказывается, Пётр Бабич остался живым. Семь дней он пролежал в болоте, втоптаный туда танком. На седьмые сутки пришёл в сознание. Врачи сотворили чудо, выхотив этого страшно изувеченного человека».

В бою за высоты 165,0 и 171,0 участвовала и рота старшего лейтенанта И. В. Кощея, в которой находились доброволец с плавбазы «Север» старшина 1-й статьи Н. А. Вилков и матрос П. И. Ильичёв. Они оказались рядом. Сначала отражали тан-

* Камчатская область в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн 1939–1945: Сборник документов Государственного архива Камчатского края. Петропавловск-Камчатский, 2010. С. 438.

ковую атаку, затем десантники остановили пулемёты вражеских дотов. Но бойцы ползком упрямо продвигались вперёд. Ильичёв всё время полз следом за старшим товарищем – Николаем Вилковым. Им удалось достаточно близко подобраться к одному из дотов, из двух амбразур которого японцы вели яростный огонь. Первым поднялся Вилков, бросил гранату, но она не долетела, а сам старшина был ранен в левую руку. Несмотря на ранение, он бросил вторую гранату, следом за ним бросил свои гранаты и Пётр Ильичёв. Но и они в цель, а это небольшое отверстие амбразуры дота, не попали. Тогда Николай Вилков вскочил на ноги и мощным броском ринулся на полыхающую огнём амбразуру, закрыв её своим телом. Японский пулемёт захлебнулся, возникла пауза, которой воспользовались наши десантники и поднялись в атаку. Но тут же заработал пулемёт второй амбразуры. Десантники повалились в траву. Тогда и Пётр Ильичёв, не раздумывая, подбежал к доту и тоже лёг на жалеющее отверстие в бетоне...

Мощное «ура!» было одновременно и призывом к атаке, и восхищением подвигом боевых товарищей. Взяв высоту, десантники вернулись к доту и сняли бескозырки перед неподвижными телами Вилкова и Ильичёва. Под бушлатом, на груди Николая Вилкова матросы нашли окровавленный красный флаг. Вилков хотел водрузить его на вершине высоты 171,0...

ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ

В Курильской десантной операции принимали участие две авиационные части, расположенные на территории Камчатки.

Командир эскадрильи истребительного авиационного полка капитан Яков Никанорович Ефромеев вспоминал:

«17 августа наша авиаэскадрилья выполнила боевую задачу по прикрытию с воздуха [идущего к островам] морского десанта. Один из таких вылетов продолжался у меня 3 часа 20 минут»*.

Надо добавить, что корабли при их переходе к Курилам прикрывали 58 самолётов авиадивизии и 10 самолётов пограничников.

Цитируем Я. Н. Ефромеев далее:

«Боевые действия 18 августа были наиболее характерными, на них я остановлюсь более подробно. К рассвету 18 августа первая и третья авиаэскадрильи и лётчики были готовы к боевым действиям: самолёты полностью заправлены горючим, бомбы

подвешены, боекомплект снарядов и патронов поставлен на самолёты. Ждём команды на вылет. На Камчатке и на Курильских островах, как назло, стоял сильнейший туман. Все мы подавлены сознанием того, что десанты уже сражаются, а мы не можем оказать им помощь.

Примерно к 9 часам туман стал слабеть, и группа, возглавляемая командиром Снесарем, получила команду: «На взлёт!».

Наша авиаэскадрилья заняла готовность № 1. Через несколько минут ведущий группы бомбардировщиков доложил о подходе к району места нашего сбора. Авиаэскадрилья начала взлёт. Он, как и у первой группы, выполнялся при плохой видимости. Туман ещё полностью не рассеялся. После взлёта и сбора мы увидели свою группу бомбардировщиков, обменялись по радио паролями, заняли своё место в боевом порядке, «стали» на маршрут – озеро Курильское – остров Алаид – военно-морская база Катаока. Полёт проходил при полном радиомолчании, управление группой осуществлялось эволюциями самолёта, например, два покачивания крылом вправо означало левому звену перейти направо.

После острова Алаид бомбардировщики взяли боевой курс и заняли боевой порядок для бомбометания по кораблям, находящимся на военно-морской базе Катаока. Над бухтой и островом Шумшу ещё стоял туман, но с воздуха земля, очертания берега и корабли просматривались. Бомбардировщики произвели прицельное бомбометание по кораблям, а наша авиаэскадрилья – по зенитным точкам, охранявшим военно-морскую базу. Истребители противника противодействия нашей группе не оказали, а зенитная артиллерия с опозданием открыла сильный огонь. Сзади самолётов появилось белое облако, состоящее из отдельных белых «шапок» – разрывов снарядов.

Потерь в первом боевом полёте у бомбардировщиков и у нас не было, все самолёты возвратились на свои базы. Авиационные техники начали подготовку самолётов к повторному взлёту, я с лётным составом авиаэскадрильи произвёл разбор ошибок и недостатков за прошедший вылет, подготовил боевую задачу на второй вылет, разработали порядок её выполнения**.

У японцев на Курильских островах было оборудовано девять аэродромов (из них шесть – на островах Шумшу и Парамушир), где могло базироваться до 600 самолетов. Однако в августе 1945 года японцы не имели здесь самолётов – все они были переброшены для обороны островов ме-

* Савина Л. Самолёты над островами // Вести. 2002. Февраль.

** Там же.

трополии, Маньчжурии и Кореи. Исключение составили семь самолётов, пилотируемых смертниками, оставленные на аэродромах Катаока и Касивабара. Но и при отсутствии у противника на Курилах авиации взятие сильно укреплённых островов представляло большую трудность, тем более что у японцев были танки, а действие нашей авиации всецело зависело от погодных условий.

По плану советского командования авиаторы должны были оказывать поддержку и при высадке десанта на остров Шумшу: авиадивизия (42 самолёта) под командованием подполковника М. А. Еремина и шесть базовых самолётов (летающие лодки).

«Примерно через час самолёты были готовы к повторному вылету, – сообщал далее Я. Н. Ефромченко. – Он осуществлялся в том же составе: три звена, двенадцать самолётов. Маршрут полёта и боевой порядок группы до сопки Алаид были примерно такими же, как и в первом полёте. Выход на цель изменён, но при подходе к военно-морской базе Катаока зенитная артиллерия японцев открыла предупреждающий, очень сильный и более точный огонь. Белые “шапочки” от разрывов снарядов – в боевом порядке авиаэскадрильи, рядом с самолётами. Бомбардировщики и наша авиаэскадрилья с боевого курса не сошли, выполнили бомбардировку по кораблям военно-морской базы, а мы – по зенитной артиллерии, аэродрому Катаока и его сооружениям. С целью уменьшения прицельности огня зенитной артиллерии противника, лётчики нашей эскадрильи выполняли маневр по высоте и скорости. Боевой порядок нарушился. В районы сбора выходили по звеньям»*.

Не всем суждено было вернуться на базу. В этом бою погиб лётчик истребительного полка капитан Иван Владимирович Дергачёв (останки лётчика были обнаружены в 1980 году на склоне вулкана Горелый на Камчатке и захоронены в г. Елизово).

Успешно действовала в те дни и пограничная морская авиация. Она в основном выполняла разведывательные полёты. В результате полётов были сфотографированы аэродромы на островах Шумшу, Парамушир и Матуа. В северном направлении движения судов противника замечены не были, зато были обнаружены транспортные суда, движущиеся в южном направлении. Результаты разведки своевременно по радио докладывались в штаб авиадивизии.

Как писал позже командующий Курильской десантной операцией генерал-майор А. Р. Гнечко: «На-

шим лётчикам предстояло преодолеть немалые трудности: пролететь над горами Камчатки и вдоль восточного побережья полуострова, над океаном более 300 км, вести боевые действия в условиях мощной противовоздушной обороны противника и возвращаться прежним путём на свои базовые аэродромы, не имея при этом даже простейших промечуточных площадок для возможных вынужденных посадок»**.

Но японская авиация тоже не бездействовала, пусть и мало у японцев оставалось самолётов. Лётчики-смертники попытались воспользоваться создавшейся сначала трудной ситуацией у русских при высадке основных сил десанта. Они нанесли удар с воздуха по нашим кораблям и транспортам, маневрировавшим на рейде в Первом Курильском проливе. Один из смертников, поднявшийся выше тумана, незаметно появился над сторожевым кораблём «Киров», на котором находился оперативный штаб командира десанта Дьякова. Самолёт обстрелял корабль из пулемёта и начал заходить на боевой курс для бомбометания, однако командир «Кирова» капитан 3-го ранга И. Д. Сизов резко увёл корабль в сторону от линии прямого попадания бомб. К тому же зенитчики «Кирова» были начеку. Старшина 1-й статьи С. И. Бердяев и краснофлотец И. З. Шостак зенитным огнём вынудили японца вновь скрыться в тумане. Сброшенные им три бомбы не попали в цель, и лишь их осколки оставили мелкие пробоины в борту корабля.

Несколько позже семь японских самолётов атаковали советский тральщик (командир – капитан-лейтенант В. Д. Гусев), проводивший разведку обороны противника в районе западного побережья Шумшу на подступах ко Второму Курильскому проливу со стороны Охотского моря. Наши моряки и здесь оказались в полной боевой готовности. Артиллеристы-зенитчики меткими выстрелами сбили два самолёта, а остальные поспешили удалиться. После этого японские лётчики осмеливались появляться лишь там, где находились наши невооружённые транспорты и мелкие плавсредства.

Таким образом, противник не смог вывести из строя ни одного из наших кораблей, которые продолжали обстрел Шумшу и прежде всего японских батарей на мысах Кокутан-саки и Котомари-саки***.

** Камчатская область в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн 1939–1945: Сборник документов Государственного архива Камчатского края. Петропавловск-Камчатский, 2010.

*** Акиншинский В. ... С. 56.

* Там же.

Но и наши авиаудары практически не причинили японцам ощутимого вреда. Скальные толщи, в которые была упрятана вражеская артиллерия, оказались непробиваемыми даже для тяжёлых фугасных бомб. Японские батареи, расположенные на мысах, пришлось брать штурмом, неся потери.

ОСТРОВ ШУМШУ, 19 АВГУСТА 1945 ГОДА

Ночь с 18 на 19 августа не дала войскам передышки. Особенно напряжённой она оказалась у артиллеристов, которым необходимо было, пользуясь темнотой, выгрузить на берег технику, орудия и снаряды. «В условиях ограниченной видимости, волнения на море, нехватки плавединок, а в ряде случаев и под огнём ещё не подавленных огневых точек противника, действовали сотни людей – от рядовых солдат и лебёдчиков транспортных средств до старших общевоинских и артиллерийских начальников, – вспоминал об этом генерал А. Р. Гнечко. – На урзе воды тяжёлую технику вручную выкатывали и выносили на крутой обрывистый берег, увозили на линию фронта, а большую часть боеприпасов маскировали здесь же от воздушных налётов японских самолётов и создавали охрану для отражения возможных вылазок вражеских диверсантов»*.

Организатор всей этой работы начальник артиллерии Камчатского оборонительного района полковник Фёдор Петрович Колпачёв, участник Гражданской войны, впоследствии досрочно получил звание генерал-майора артиллерии, орденами были награждены командиры артиллерийских полков подполковники И. Я. Пирогов и А. К. Тарасов.

Много хлопот тогда доставила артиллеристам высадка на берег лошадей – основной тягловой силы полевой артиллерии. Животных перегружали с транспортов на оставшиеся в строю десантные суда, вначале по десять лошадей, затем по тридцать, размещая на нижних палубах и даже в кубриках. Выводили на берег по деревянным настилам. Одновременно ночью подвозили с Камчатки резервы.

Но задуманным планам командования по дальнейшему наращиванию наступления советского десанта утром 19 августа не суждено было осуществиться. Как рассказывал А. Р. Гнечко, «положение резко изменилось: на разных участках фронта появились японские парламентарии с белыми флагами»**.

Оказывается, японский генерал Цуцуми Фусаки ещё днём 18 августа решил начать переговоры с

русскими о прекращении огня, но различные причины, главным образом отсутствие у нашего десанта устойчивой, постоянной радиосвязи, помешали этому. Интересный и важный документ об этом привели в докладе «Камчатский оборонительный район» на 27-х Крашенинниковских исторических чтениях в Петропавловске Е. М. Верещага и И. В. Витер. Они опубликовали воспоминания японского капитана Нагасима Ацуси, который был одним из первых парламентарёв на острове Шумшу:

«В августе 1945 года я служил в 91-й дивизии. Наша цель была защищать тринадцать Курильских островов. После полудня 18 августа командир дивизии решил послать парламентаря и вести переговоры о прекращении огня. Он назначил меня парламентарём. В 14 часов я отправился из штаба с подпоручиком Киносита, старшиной Нарусэ, ефрейтором Судзуки, переводчиком Уситани и двумя отрядами в 20 человек. По дороге мы подвергались обстрелу и потеряли несколько солдат. Когда солнце садилось, нас было всего 9 человек...

Примерно в 19:30 мы увидели советских солдат и закричали: «Мы хотим встретиться с советскими офицерами». Они сразу дали по нам залп. Мы ложились ничком и махали белым платком в знак капитуляции, но, тем не менее, они продолжали стрелять. Но почему-то пули не попадали в нас. Через несколько минут они наконец-то поняли, что мы не сопротивляемся. Они бросились на нас, отобрали наше военное обмундирование, часы, ремни и так далее, связали руки за спиной и отвели в штаб...

Потом они познакомили меня с полковником Артюшиным. Я передал ему документы о переговорах о прекращении огня от нашего командира Цуцуми. Это было примерно в 6:30 утра»***.

Но, как писал В. С. Акшинский в своей книге «Курильский десант» со слов генерал-майора А. Р. Гнечко, ни этот японский парламентар, ни другие не имели официальных документов о предоставлении им права вести какие бы то ни было переговоры. Условились, что японцы придут с такими документами. Но в назначенный час никто не пришёл. Тогда в сторону противника отправились наши офицеры во главе с начальником политотдела полковником М. А. Алентьевым. Посланцы вернулись с сообщением о том, что японские представители будут через полчаса в указанном месте.

Но явившийся японский парламентар оказался уполномоченным лишь командиром бригады. Ему

* Там же. С. 129.

** Там же. С. 132.

*** *Верещага Е. М., Витер И. В.* Камчатский оборонительный район // Верные долгу и Отечеству: мат-лы 27-х Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2010. С. 25.

разъяснили, что говорить будут только с тем, кого уполномочит командир дивизии Цуцуми Фусаки.

«Только после этого, – вспоминал А. Р. Гнечко, – в расположение наших войск прибыли для переговоров официально уполномоченные командир 73-й японской пехотной бригады генерал-майор Сузино Ивао, начальник штаба 91-й пехотной дивизии полковник Токедзи и подполковник Кончитани Муонори. Они вручили генералу Дьякову для последней передачи мне текст сообщения командующего японскими войсками в северной части Курильских островов, командира 91-й японской пехотной дивизии Цуцуми Фусаки на имя «Командующего советскими войсками в северной части Курильских островов».

Он гласил:

«Наши войска получили свыше следующий приказ:

1. Войскам сегодня, 19 числа, к 16:00 прекратить всякие боевые действия.

Примечание: оборонительные действия, предпринимать которые мы вынуждены в связи с активным вторжением противника, не являются боевыми действиями.

2. Наши войска на основании этого приказа сегодня, 19 числа, в 16:00 прекращают всякие боевые действия.

Примечание: если после этого наши войска будут атакованы, я на основании упомянутого приказа возобновлю оборонительные действия.

3. Поэтому прошу ваши войска к 16:00 прекратить боевые действия»*.

Кроме этого сообщения, японцы передали письменное заверение Цуцуми Фусаки о том, что японские войска на островах Шумшу, Парамушир и Онекотан с 9 часов 19 августа прекращают всякие боевые действия и согласны на капитуляцию.

В связи с начавшимися переговорами военные действия были приостановлены, над Шумшу повисла выжидательная тишина. Но наблюдения за японской стороной нашими разведчиками показали, что японцы лишь затягивают начало капитуляции и продолжают подтягивать из глубины обороны пехотные подразделения, артиллерию и танки.

Но вот генерал П. И. Дьяков сообщил А. Р. Гнечко о том, что японцы известили о выезде своих представителей в расположение наших войск для подписания капитуляции.

«Я покинул плавучий командный пункт на тральщике ТЩ-334 и высадился на берег, – продолжал рассказывать командующий Курильской десантной операцией генерал-майор А. Р. Гнечко. – На этот

раз японцы были точны. В 16 часов мы встретились с ними у специально поставленного стола на открытой небольшой возвышенности, неподалёку от места высадки нашего десанта. Отсюда хорошо была видна панорама недавних боёв, подбитые и сожжённые японские танки. Вместе со мной были генерал П. И. Дьяков, полковники М. А. Алентьев, П. А. Артюшин, подполковник Ф. А. Слабинский, майоры П. Д. Ковтун и П. И. Рева, капитан 3-го ранга В. С. Денисов, офицеры штаба и политотдела 101-й дивизии.

Японскую сторону представлял генерал-майор Сузино Ивао, прибывший с группой офицеров своего штаба. Он имел должным образом оформленные полномочия на подписание условий капитуляции (с нашей стороны я поручил подписать их командиру десанта генерал-майору П. И. Дьякову). Японцы пытались затянуть переговоры под предлогом плохого знания русского языка <...>, но, по существу, у них не было выбора: либо подпишут, либо разделят участь тех японских войск, которые к тому времени уже были полностью разгромлены в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине. Чтобы прекратить эту недостойную игру противника, я поставил перед японским генералом вопрос ребром. «Готовы ли, – спросил я его, – представители японских войск подписать условия капитуляции, сложить оружие и сдаться в плен?» <...>. Полковник Алентьев выдвинул вперёд одного из лучших наших знатоков японского языка, инструктора политотдела лейтенанта Бориса Кремьянского <...>. Глава японских парламентариев стал объяснять, что не может лично принять окончательное решение и должен согласовать свой ответ и получить дополнительные инструкции от своего командующего генерал-лейтенанта Цуцуми Фусаки <...>. Я попросил нашего переводчика передать японцам моё требование: либо они принимают условия капитуляции, либо я приказываю нашим войскам открыть по ним сокрушительный огонь из всех видов оружия, одновременно используя для удара по их позициям все силы нашей авиации <...>. С лица японского генерала сошла маска непроницаемости и надменности, и он вдруг торпливо и растерянно произнёс: «Да-да, согласны».

После этого состоялось подписание условий капитуляции 91-й японской пехотной дивизии, оборонявшей острова Шумшу, Парамушир и Онекотан. Японская сторона была ознакомлена с планом пленения японских гарнизонов, составленным моим штабом на основании только что подписанного документа**.

* Акшинский В. ... С. 135.

** Там же. С. 137–139.

Тотчас же генерал Гнечко передал приказ о перебазировании утром 20 августа самолётов истребительного авиаполка на один из аэродромов Шумшу, который специально не бомбила советская авиация. Петропавловская военно-морская база должна была перевести часть своих кораблей в японскую базу в бухте Катаока на Шумшу. Японцы согласились предоставить лоцмана.

«Вы свободны. Выполняйте условия капитуляции!» – строгим командирским тоном напутствовал японских офицеров генерал Гнечко, отпуская их. К исходу дня он отдал приказ своим войскам о разоружении и пленении 20 августа всех японских формирований на Шумшу, высадке части десантных подразделений в северо-западную зону побережья Парамушира, а также на восточное побережье Онекотана и завершении полного освобождения этих островов к исходу 21 августа.

ЯПОНСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ 20 АВГУСТА 1945 ГОДА

В 7 часов утра 20 августа советские корабли, как было договорено с японцами при подписании акта о капитуляции, вошли во Второй Курильский пролив со стороны Охотского моря и направились к бухте Катаока. Впереди шёл тральщик. В составе отряда находились сторожевой корабль «Киров», минный заградитель «Охотск», военный транспорт «Емельян Пугачёв» и гидрографическое судно «Полярник». Их должен был встретить на катере японский лоцман, чтобы провести через минные поля и рифы к военно-морской базе Катаока. Но катера с лоцманом не было.

На «Кирове» шёл командир этого отряда кораблей капитан 1-го ранга Д. Г. Пономарёв. Он решил следовать в бухту Катаока самостоятельно. Кораблям было приказано усилить наблюдение за морем, берегом и воздухом. Туман как раз рассеялся и наблюдатели на мачтах заметили на обоих берегах пролива японские батареи с расчётами. Батарея на мысе Арима (остров Парамушир) неожиданно открыла огонь по нашим кораблям. Тут же началась стрельба и с острова Шумшу. Советские корабли, таким образом, попали под перекрёстный огонь.

В это время тральщик, на котором держал флаг командующий десантом генерал-майор А. Р. Гнечко, находился в Первом Курильском проливе в районе высадки десанта. Командир тральщика старший лейтенант А. К. Метелёв рассказывал автору в 1995 году: «Связь у меня была радиотелефонная. Командир Гусев передаёт: “По нам открыли огонь

береговые батареи. Отходим!” Вскоре другое: “Нас атакуют японские самолёты!” Генерал Гнечко возмутился таким коварством японцев и приказал командиру авиадивизии, который находился тут же на мостике, поднять авиацию и разбомбить все объекты Катаоки и Касивабару, а десанту приказал начать решительное наступление к военно-морской базе Катаока».

– По японским провокаторам огонь из всех орудий! – приказал экипажу «Кирова» капитан 1-го ранга Д. Г. Пономарёв.

В это время генерал Гнечко передал Пономарёву: «Действуйте по обстановке, смело и решительно. Выходите из зоны огня. Для ответных действий вызываю авиацию»*.

Разгорелся тяжёлый артиллерийский бой. Силы были неравными. Японские батареи прятались в бетонно-скальных бункерах, а советские корабли находились в пристреленной японцами узкой акватории пролива.

Один из комендоров минного заградителя «Охотск» Николай Бушевец вёл точную стрельбу, но вскоре был тяжело ранен. «Отомстите за меня, друзья», – попросил он товарищей, умирая.

«Охотск» попал под ураганный огонь и получил одновременно два точных снаряда – в борт и палубу. Было повреждено рулевое управление, корабль остался без электричества, замолчал телеграф. Для «Охотска» создалась реальная угроза быть выброшенным на берег.

Но несмотря на всё это, комендоры корабля смогли точным попаданием подавить огонь японской батареи в районе мыса Арима на Парамушире. Огневой натиск несколько ослаб, но батареи с Шумшу, особенно из района острова Беттоби, продолжали стрелять. Закрываясь дымовой завесой, «Охотск» с трудом уходил из пролива в Охотское море, но вскоре был атакован японским самолётом-торпедоносцем. Умелым манёвром командир корабля капитан-лейтенант В. К. Моисеенко всё же вывел корабль из-под удара, и торпеда пронеслась мимо. Тем временем зенитчики корабля открыли по самолёту шквальный огонь и отогнали его.

Пограничный сторожевой корабль «Киров» также сражался с береговой артиллерией японцев. Он тоже получил множество повреждений и потерял убитыми несколько членов экипажа. Вовремя подошедший к месту боя сторожевой корабль «Держинский», открыв по батареям острова Шумшу мощный огонь, сумел вывести из-под удара «Киров» и «Охотск».

* Там же. С. 140.

В 11 часов 15 минут советские корабли вернулись в Первый Курильский пролив. О сложившейся ситуации было доложено командующему Тихоокеанским флотом и командующему фронтом. В течение дня в районе стоянки кораблей периодически появлялись наши и японские самолёты.

Из-за густой и низкой облачности, опустившейся вскоре на Второй Курильский пролив, советская авиация, срочно вызванная генералом Гнечко, не смогла помочь нашим сражающимся кораблям. Но советские бомбардировщики и истребители нанесли мощный удар по военно-морским базам Катаока и Касивабара, по скоплениям резервных войск и техники противника.

Весь день 20 августа продолжались переговоры об условиях капитуляции японских войск на острове Шумшу. Советские и японские войска находились на позициях, занятых к началу переговоров, советские корабли стояли в Первом Курильском проливе.

В 13 часов советские десантники, окопавшиеся у высот 171,0 и 165,0, внезапной атакой отбросили японцев на шесть километров вглубь острова Шумшу и готовились к дальнейшим действиям.

21 АВГУСТА 1945 ГОДА

В 5 часов утра генерал А. Р. Гнечко послал к японцам своего представителя и передал генералу Цуцуми Фусаки приказ о капитуляции с напоминанием в категоричной форме о договорённостях и установленных днём ранее процедурах и сроках сдачи японских войск.

«Мои условия о капитуляции ваших войск, принятые и подписанные вашей стороной, не выполняются: 20 августа наши корабли были обстреляны при подходе ко Второму Курильскому проливу, – говорилось в этом приказе-ультиматуме. – Таким образом, японские войска фактически продолжают сопротивление. В случае отклонения с вашей стороны от разоружения буду принимать решительные меры. Во избежание ненужного кровопролития предлагаю ответить мне, будет ли вами отдан приказ о капитуляции ваших войск перед советскими войсками?»

Ваш ответ жду с моим представителем»*.

Японцы прислали прямо-таки издевательский ответ:

«Наши войска уже прекратили военные действия. И для прекращения войны теперь с Главкомандующим Вашего войска Советского Союза в области “Кокутан” наша комиссия продолжает в договоре. Поэтому прошу от души временно возвратиться на Ваш баз. Конец»**.

Подписи не было.

После вторичного, более строгого письменного ультиматума, японцы прислали совсем другой ответ: «Японские войска в северной части Курильских островов прекращают всякие боевые действия, складывают оружие и сдаются советским войскам.

Командующий японскими войсками в северной части Курильских островов генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки***.

Похоже, среди японцев имелись группы или группа офицеров, не желавших сдаваться русским и подчиняться своему командиру Цуцуми Фусаки. Они-то и присылали нелепые ответы, стараясь затянуть время. Но это только предположение.

Генерал Гнечко сильно сомневался в искренности последнего заявления японского командования. Доверять японцам причин не было. Он рассказывал: «Поэтому я подтвердил своё прежнее указание генералу Дьякову, чтобы он внимательно следил за обстановкой на переднем крае и держал войска в боевых порядках, в полной готовности к дальнейшему наступлению. В то же время мною было дано распоряжение о переброске к месту сосредоточения резервов из района Усть-Большерецка и с мыса Лопатка»****.

После 9 часов утра начальник штаба 91-й дивизии японских войск полковник Токедзи подтвердил согласие генерала Цуцуми Фусаки на капитуляцию. Генерал Гнечко направил группу офицеров на военно-морские базы Катаока и Касивабара (остров Парамушир) для уточнения деталей капитуляции. Группу возглавлял начальник штаба КОР подполковник Р. Б. Воронов. Включили в группу и корреспондента (редактора) газеты «За Родину» капитана Н. М. Лихобабина. Он писал:

«Катер морской охотник лейтенанта Шеховнина вышел в море. Его путь лежал к вражеским берегам – в морскую базу японцев, в их логово (в базу Катаока на Шумшу. – Прим. А. С.). Резкие порывы ветра, туман и волнение моря затрудняли движение катера. Но недаром катерников называют неутомимыми тружениками моря. Экипаж морского охотника накануне всю ночь под дождём совершал трудные рейсы. Сейчас он получил новое ответственное задание – первым войти в логово врага, а это значит – не исключена возможность подвергнуться вероломному нападению коварного врага.

Набирая скорость, катер стремительно шёл по заданному курсу вдоль острова. Вблизи виднелись хмурые и, казалось, пустынные берега. Но стоило

* Там же. С. 147.

** Там же. С. 148.

*** Там же.

**** Там же.

внимательно присмотреться, чтобы даже невооружённым глазом увидеть в скалах замаскированные амбразуры, орудийные гнёзда, траншеи. Всюду было безлюдно, тихо, мёртво...

Сквозь серую пелену тумана на левом берегу показались слабые очертания строений. Это военноморская база японцев Катаока – одна из берлог злобного и хищного врага. И чем ближе подходим к берегу, тем отчётливее виднелись разрушения – это были, как потом рассказали сами японцы, следы работы американской авиации <...>. Подходим к пирсу. Над уцелевшим зданием морской комендатуры болтается белый флаг. Нигде не видать ни единой живой души.

Вдруг из-за поворота вынырнули два камуфлированных лимузина и остановились у пирса, где швартовался наш катер. Из машин вышли два низкорослых офицера в морской форме и ещё на почтительном расстоянии стали подобострастно раскланиваться и козырять представителям советского командования...

Представитель японского командования капитан Сато на требование советских представителей передать карты расположения батарей, складов и других военных объектов прикинулся непонимающим. Извиваясь, как уж, он начал говорить о том, что советские офицеры прибыли очень рано. Сейчас по токийскому времени 8 часов, а переговоры должны начаться в 10:00. И только после того, как японские часы были переведены по поясному времени – на два часа вперёд, а Сато был предупреждён об ответственности, самураи стали давать более вразумительные ответы.

Затем мы пересекли пролив и подошли к причалу острова Парамушир. Здесь помещался штаб всей северной группы японских войск и резиденция командующего. Та же встреча, те же улыбки, то же подобострастие японских офицеров. Но здесь много японских солдат. Они окружают нас плотной толпой, молча и угрюмо разглядывают.

Вместе с начальником штаба полковником Янаока Токедзи направляемся в штаб командующего. В полутёмном мрачном подземелье гнетущая пустота. Десятки комнат, отделений обставлены убогой мебелью, вокруг всё голо. Было видно, что здесь «подготовились» к нашей встрече.

Здесь, как в Катаока, только благодаря решительным действиям советских представителей был найден «общий язык», и нам удалось убедить незадачливых японских вояк, что отныне мы здесь хозяева**.

Подполковник Р. Б. Воронов потребовал от генерала Цуцуми Фусаки чёткого ответа на приказ генерала Гнечко о капитуляции. Японский генерал пытался увести разговор в сторону, но Воронов задал ему прямой вопрос:

– Да или нет, господин генерал?

Пришлось Цуцуми Фусаки отвечать однозначно: да. После чего генерал добавил, что лично подписывает акт о разоружении японских войск при встрече с Гнечко.

Далее продолжим цитировать журналиста Н. М. Лихобабина:

«В полдень выезжаем на аэродром – к месту сбора капитулирующих японских войск. Машина с трудом преодолевает ухабы.

Ровно в 12 часов японский флаг, висевший над штабом части, был спущен и было указано место, куда складывать оружие. Японские офицеры истошным голосом выкрикивали команды. Потом одна за другой начали двигаться колонны войск. Японские солдаты усердно печатали шаг. Они хотели выглядеть бравыми воинами. Но это никак не получалось. Огромные заплаты на штанах, изорванные обмотки усугубляли жалкое зрелище.

Быстро сложив оружие и снаряжение, солдаты мелкой рысцей отбежали в сторону и, подогнув под себя ноги, садились на землю. После этой церемонии японские войска были направлены в специальные казармы.

В 16 часов над штабом был поднят флаг Военноморского флота СССР. И в это время мы увидели, что на дороге, ведущей из глубины острова, показались машины с красными флагами. На переднем газике ехал генерал-майор Дьяков. Признаться, у нас на душе отлегло, потому что весь день мы впятером действовали на южной части острова в японской базе Катаока, а здесь приняли капитуляцию от пяти тысяч войск. А впереди были новые заботы...»

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ЯПОНЦЕВ НА КУРИЛАХ И ПЛЕНЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЦУЦУМИ ФУСАКИ

22 августа маршал Василевский прислал радиogramму: «Верховный Главнокомандующий приказал: « Уделить максимальное внимание серьёзному усилению как боевым кораблям, так и авиацией флота района Камчатки с тем, чтобы быстрее очистить от японцев о. Шумшу, Парамушир и Араидо и в дальнейшем закрепить их за собой, так как Курильские проливы возле Камчатки являются для нас основным выходом в океан»**.

** Верещага Е. М., Витер И. В. Камчатский оборонительный район... С. 25.

В этот же день Сталин окончательно отказался от оккупации северной части японского острова Хоккайдо, которая должна была проводиться советскими войсками с Сахалина.

Советский десант на острове Шумшу 22 августа уничтожал локальные вспышки сопротивления японцев. Переброшенный на остров с мыса Лопатка стрелковый батальон совершил марш-бросок к военно-морской базе Катаока. Весь остальной десант также продвигался к базе Катаока.

Командование авиадивизии провело 23 августа успешное перебазирование с Камчатки на аэродром у Катаока истребительного полка. При этом было всё до мелочей продумано, чтобы отразить любые попытки противника воспрепятствовать этому. Молниеносно на аэродром был высажен десант автоматчиков. Прочесали все подступы к летному полю, служебные помещения, захватили в плен японскую охрану и выставили свою, установили радиосвязь с командованием дивизии. Лишь после этого был дан сигнал истребительным эскадрильям, находившимся на подлёте к Шумшу, о готовности к их приёму. Несмотря на сложности перелета: туман, густую и низкую облачность, все самолёты благополучно произвели посадку. Приказом Верховного Главнокомандующего за успешные боевые действия в Курильской десантной операции авиадивизия была удостоена почётного наименования «Курильская»; истребительный и бомбардировочные авиаполки были награждены орденом Красного Знамени. Редкий случай в истории Великой Отечественной войны: за участие в боевых действиях по разгрому врага в одной лишь операции все лётчики авиаполка, принимавшие участие в боях, были награждены орденами и медалями.

23 августа произошло окончательное пленение японцев на Шумшу, в том числе самого генерал-лейтенанта Цуцуми Фусаки.

Командир советского тральщика ТЩ-334, на котором размещался штаб командующего Курильской десантной операцией генерал-майора А. Р. Гнечко, старший лейтенант Метелёв рассказывал автору этой публикации следующее:

«В 15 часов 23 августа ТЩ-334 вошёл во Второй Курильский пролив и к его борту пришвартовался на кунгасе генерал Фусаки. Пока генерал не сдал оружие, я, как командир корабля, его встретил и представился: “Господин генерал-лейтенант, командир советского корабля старший лейтенант Метелёв”. Провёл его в каюту командующего десантом, где он сдал своё личное оружие и в дальней-

шем подписал акт капитуляции. Я при подписании акта не присутствовал».

Вот что рассказывал об этом сам генерал А. Р. Гнечко:

«На редкость высокий и ещё крепкий 53-летний Цуцуми Фусаки прибыл к флагманскому кораблю-тральщику, на котором я держал свой командный пункт, на обыкновенной десантной барже; над нею развевался белый флаг. Одет он был в отлично отутюженное обмундирование, при всех регалиях. Его сопровождала молодая женщина, адъютант в форме лейтенанта японской армии, и целая свита старших офицеров. Когда они поднялись на палубу, один из них нёс всё тот же белый флаг – символ позорного конца.

Приблизившись к указанному ему месту, Фусаки пытался изобразить на своём лице приветливую улыбку, но она была скорее похожа на гримасу. Взгляд японского генерала выражал злобу и ненависть, и именно тогда он спросил меня о силах нашего передового отряда. Я, в свою очередь, потребовал от него объяснения причин затягивания капитуляции японских войск, открытия огня японскими батареями, а также налёта японского самолёта-торпедоносца на наши корабли во Втором Курильском проливе. Цуцуми Фусаки ссутулился, с него слетела вся бравада, и он начал лепетать что-то невнятное. Смысл его ответа заключался в том, что виноват не он, а начальник штаба его дивизии, который якобы не был согласен с решением своего командира и лично вёл переговоры со ставкой японского главного командования, где имел родственников из состава императорской семьи. Другой версией его оправданий было высказанное несколько позднее заявление о том, что в зоне нарушения японцами перемирия якобы произошло недоразумение: до сведения артиллеристов-береговиков не был своевременно доведён командирами приказ императора о капитуляции Японии.

С первых же минут переговоров его лоск и напыщенность заметно поблекли. Он с тупой покорностью подписал акт о капитуляции. Одновременно он подтвердил своё согласие дать личные указания о капитуляции гарнизонов других островов, где дислоцировались его войска.

Учитывая это, я приказал генерал-майору П. И. Дьякову обеспечить переход его войск от передовой линии на юг, в район Катаока, и произвести там разоружение и пленение японского гарнизона острова Шумшу»*.

* *Акшинский В. ... С. 153–154.*

Об окончании встречи советского и японского генералов продолжает рассказывать Метелёв:

«После подписания капитуляции у нас обед. Мы пригласили японцев к столу, и в период обеда японский генерал спросил нашего генерала: “Что с нами будет дальше?”. Генерал-майор Гнечко ответил: “А это как решит Верховный главнокомандующий войсками Советского Союза товарищ Сталин”. Японец тогда бросил такую реплику: “Сейчас Сталин является главнокомандующим войсками не только Советского Союза, но всего мира”.

В дальнейшем через переводчика была заявлена просьба, чтобы генерал Гнечко написал что-нибудь на память генералу Цуцуми Фусаки в записную книжку. Гнечко сказал: “Пусть даст записную книжку, я ему напишу”. Тот подал книжку. Генерал Гнечко написал что-то и возвратил книжку. Когда мы проводили японцев с корабля, уже в качестве пленных, без всяких почестей, мы спросили, что он написал японцу. Генерал ответил: «Я написал: “Сегодня, 23 августа 1945 года, генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки позорно капитулировал передо мной, генерал-майором Гнечко”».

ЗАВЕРШЕНИЕ КУРИЛЬСКОЙ ДЕСАНТНОЙ ОПЕРАЦИИ

Поскольку ещё 23 августа командующий северной группой японских войск на Курильских островах генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки отдал по радио приказ: «23 августа 1945 года всем войскам северной части Курильских островов, включительно остров Уруппу, по прибытии советских войск с представителями моего штаба немедленно складывать оружие и выполнять распоряжения советского командования», то 24 августа командующий

Тихоокеанским флотом решил частями Петропавловской ВМБ во взаимодействии с войсками Камчатской оборонительного района оккупировать острова северной части Курильской гряды (до острова Симушира).

Оккупация островов южной части Курильской гряды и Малой Курильской гряды в основном была закончена 4 сентября. Японцы не оказывали сопротивления. В дальнейшем производились планомерная перевозка на острова войск, эвакуация с островов пленных японцев и военной техники на советскую территорию. Общая численность пленных, захваченных на островах Курильской гряды, достигала 50 442 человека.

За героизм во время Курильской десантной операции девять человек были удостоены звания «Герой Советского Союза»: старшина-механик десантной баржи Василий Иванович Сигов, матрос П. И. Ильичёв (посмертно), старшина 1-й статьи Н. А. Вилков (посмертно), старший лейтенант С. А. Савушкин (посмертно), старший лейтенант В. А. Кот, майор П. И. Шутов, майор Т. А. Почтарёв, капитан 1-го ранга Д. А. Пономарёв, генерал-лейтенант А. Р. Гнечко.

По сведениям Центрального военно-морского архива, потери японцев на Шумшу и Парамушире составили 1 018 человек, наши (убитыми и ранеными) – 1 567. Но историк А. Христофоров приводит совсем другие цифры, более печальные. По его сведениям, 49 процентов от десанта погибло. Если считать, что в десанте было около десяти тысяч человек (а это доподлинно известно), то погибло около 5 тысяч десантников. Но точно не подсчитано. Ещё и по той причине, что отчёта по Курильской десантной операции не было.

